

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертационную работу
Лавренченко Марии Леонидовны
««Речи» Киевской летописи XII века (источниковедческое
исследование)», представленную на соискание учёной степени по
специальности 5.6.5 – историография, источниковедение и методы
исторического исследования**

Диссертация М.Л. Лавренченко посвящена многоаспектному (историографическому, источниковедческому, методическому и собственно историко-реконструктивному) исследованию одного из крупнейших (после Повести временных лет) тексту – Киевской летописи XII в. Этот памятник восстанавливается, как показала соискательница, по Ипатьевской летописи на протяжении статей 1120-х–1190-х гг. Киевскую летопись М.Л. Лавренченко рассматривает с точки зрения феноменов княжеских речей и применения в летописном изложении ситуаций межкняжеского общения родственной лексики и терминологии. Начало традиции источниковедческого изучения Киевской летописи (объекта исследования – с. 13) диссертант справедливо относит к первой половине XIX в. (с. 21), а вот княжеские речи, которые можно соотнести с заявленным предметом исследования («летописные, а также дипломатические и социальнополитические практики (летописная фиксация «речей», их редактирование, отправка и прием послов, встречи князей, заключение ими соглашений и их разрыв, установление новых политических отношений, и др.)») (с. 13), привлекли внимание исследователей позже. Поскольку, согласно М.Л. Лавренченко, первыми к изучению княжеских речей приступили И.П. Еремин и Б.А. Рыбаков (с. 62–63), то сама постановка проблемы и начало её изучения относятся к первой половине 1960-х гг. И в «объектном», и в «предметном» потоках своего исследования М.Л. Лавренченко находит неосвоенное «пространство» и возможность сказать новое слово.

Обусловлено это тем, что автор охватила своим исследованием три подраздела специальности: историография, источниковедение и методы исторического исследования – и даже подвела их к уровню исторического

исследования (исторической реконструкции). При том, что глава I диссертации является историографической, а главы II и III – источниковедческими, все эти три компонента взаимосвязаны, грань между ними размыта. Междисциплинарность диссертационной работы М.Л. Лавренченко обусловлена и квалифицированными формулировкой цели и постановкой задач, а также – чёткой географической и хронологической демаркацией, компоновкой источниковой базы исследования (с. 13–14, 17). Эта методически корректная часть Введения определила строгую завершённость вынесенных на защиту положений (с. 14–17). Они же жёстко сцеплены с аргументацией и всеми выводами диссертации.

Первая глава, посвящённая истории изучения Киевской летописи (с. 20–71), является не просто историографическим обзором. Это и историография источниковедения, это и срез истории исторической и источниковедческой науки о Руси периода раздробленности – с точки зрения постижения Киевской летописи и изучения «княжеских речей». Первый параграф главы – краткий относительно последующих (с. 20–21) – даёт историко-археографическую информацию об изданиях Киевской летописи и в составе публикаций Ипатьевской летописи и отдельным, искусственно выделенным текстом.

Второй параграф Главы 1 (с. 21–60) представляет дискуссионную историю изучения Киевской летописи. Диссертант выстраивает персонализированную традицию освоения феномена Киевской летописи: В.М. Перевощиков – Н.И. Костомаров – К.Н. Бестужев-Рюмин – И.П. Хрущов – А.А. Шахматов и М.Д. Приселков – Д.С. Лихачев – И.П. Еремин – А.Н. Насонов – Н.Г. Бережков – Б.А. Рыбаков и В.Ю. Франчук – Т.Л. Вилкул и В.И. Ставиский – А.П. Толочко – А.А. Гиппиус и Т.В. Гимон – В.Ю. Аристов – Ф. Мушар – И.С. Юрьева. Несмотря на кажущуюся разнородность перечня исследований, он имеет логику составления.

М.Л. Лавренченко сделала историографическую выборку для выдвижения гипотезы: большинство княжеских речей (диалогов) содержится в переяславской и черниговской частях киевской летописи. Это позволяет, в свою очередь, предположить и проверить предположение, что княжеские речи родились не в результате сугубого литературного творчества, а были переложением прямых

диалогов. Сталкивая позиции разных исследователей, диссертант выявляла общее в них. Этот подход оказался эффективным для выявления и идентификации тех частей Киевской летописи, где содержится большинство княжеских диалогов.

В свете данного подхода становится понятным и интригующее объединение оппонентов в рамках формулировки теоретико-методологической базы исследования: «Принципы работы с летописным текстом, сформулированные в работах А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, А.Н. Насонова, помимо прочего касающиеся выделения использованных сводчиком ранних текстов, элементов, позволяющих определить личные особенности авторов, были взяты за основу и настоящей работы» (с. 10–11). Но автор не забывает, что взгляды исследователей разнятся, порой полярно разнятся. Об этом свидетельствует фраза: «Итак, проблемы происхождения и особенностей составления текста Киевской летописи по-прежнему далеки от разрешения» (с. 60). И одним из плодотворных способов приближения к разрешению этих вопросов является изучение «княжеских» речей.

Диссертант весьма подробно отреферировала и критически рассмотрела положения А.А. Шахматова–М.Д. Приселкова, А.Н. Насонова, Т.Л. Вилкул, Ф. Мушара. Эти исследователи более всех рассматривали те аспекты летописеведения, которые актуализируются в ходе данного исследования княжеских речей. Включение М.Л. Лавренченко в историографический обзор современных исследователей В.Ю. Франчук (покойной), Т.В. Вилкул, В.И. Ставиского, А.А. Гиппиуса, А.П. Толочко, Т.В. Гимона, В.Ю. Аристова, Ф. Мушара и И.С. Юрьевой весьма важно. Диссертант пишет историю исторической и, шире, гуманитарной науки и её нынешний этап соотносит с уже прописанными страницами историографии. И с автором можно спорить, но теперь обязательно надо будет считаться с её тезисами при выстраивании магистральной линии развития источниковедения и текстологии.

Тем более это замечание актуально для третьего параграфа Первой главы об истории изучения княжеских речей Киевской летописи (с. 61–71). Автор выделяет два подхода к данному феномену. Один предполагает в них передачу живой

диалоговой речи (Д.С. Лихачёв, И.П. Еремин, Я.Р. Дашкевич, А.А. Зализняк, Т.В. Гимон, В.В. Тишин, отчасти Т.Л. Вилкул), а другой – цитирование дипломатической документации (Б.А. Рыбаков, В.Ю. Франчук, А.В. Юрасовский). Подробный разбор их тезисов М.Л. Лавренченко организовала в соответствии с имевшей место полемикой. Диссертант показала, как шло до сего времени наращивание доказательной базы – источниковедческой, летописеведческой, текстологической, лингвистической – направления, в основу которого положена гипотеза о передаче киевским летописцем устной речи князей. При этом внутри данного направления шло преодоление и собственных неточностей и погрешностей (например, в работах Д.С. Лихачева, И.П. Еремина). Проведя критический анализ историографии, на фоне некоторой стагнации второго направления автор диссертации обосновывает свою принадлежность к сторонникам фиксации живой речи князей в Киевской летописи. Автор дополняет наблюдения предшественников своими соображениями и предположениями (с. 70–71), которые подтверждаются в ходе диссертационного исследования.

В название Второй главы (с. 72–123) вынесена основная проблематика диссертации. Данный раздел работы представляет собой добротное эмпирическое исследование, предварённое теоретико-методическими выкладками. В параграфе 2.1 (с. 72–83) диссертант представила результаты внешнекритического анализа Киевской летописи. Были определены границы вовлечённой в источниковедческое исследование летописной информации и весьма квалифицированно обоснована невозможность полноценной статистической выборки. Последнее обстоятельство это предопределяет изучение княжеских «речей» Киевской летописи через их «поштучный» перебор; указаны маркеры «речей» как письменно фиксированных устных актов; выявлена динамика употребления диалогов в летописи (с. 72–75). Остроумным является аргументация целенаправленного помещения в летописный текст «протоколов» княжеских переговоров, диалогов, заявлений, обещаний, которые велись публично в присутствии свидетелей, на широкой публике. Последнее было фактором соблюдения данного князем обещания, ответственности за то или иное заявление.

Тем более, эти явления были актуальными в случае передачи «речей» послами. Прибегая к сравнительно-историческому методу, М.Л. Лавренченко, провела параллели с западноевропейским опытом письменного освоения речей послов, прежде всего английским (Майкл Кленчи) и скандинавским (Т.Н. Джаксон) (с. 75–76). Такой приём позволил диссертанту подтвердить свои выводы не только о ретрансляторской, но и верификационной функции послов (с. 76–78).

Обоснованной представляется и любопытная гипотеза о том, что самодостаточность живой речи могла для убедительности сопровождаться письменным посланием (с. 79). И получается, что подчиненная роль текста обернулась в значимую для источникововеда и историка возможность фиксации живой речи в Киевской летописи. Автор диссертации умело дополняет аргументацию А.А. Зализняка в пользу «протоколирования» устных речей князей в летописи (при этом не отвергается возможность и организации речевого материала по лекалам известных тогда текстов, как показала Т.Л. Вилкул). Следующим исследовательским шагом стало удостоверение информации, содержащейся в княжеских речах (с. 80–83). Далее М.Л. Лавренченко представила выборку дипломатических формул в распределении по участникам диалогов, во времени и общему контексту (с. 84–89): «быти за один», «быти за обиду», «не отлучитися ни в добре ни в зле», «ездити подле», «всести на конь» и др. После внешнекритической стадии исследования диссертант приступила к внутрикритическому и, отчасти, историческому исследованию княжеских речей и диалогов, в которых участвовали князья.

Этому посвящены параграфы 2–7 Второй главы (с. 89–123). Главным «действующим лицом» данного раздела диссертации является князь Изяслав Мстиславич. Именно он оказывается автором или «соавтором» большинства оборотов, которые стали жёсткими формулами последовавших дипломатических документов на протяжении полутора и более веков, как это было показано в диссертации (с. 117–123). Существенным результатом исследования М.Л. Лавренченко является установленный факт возникновения устойчивых конструктов княжеских речей под влиянием контактов с зарубежными

«контрагентами» – венгерским королём Гёзой II или под влиянием идеологии крестовых походов (с. 103–105). Тем самым, представляются свидетельства тесного культурно-политического сосуществования и взаимовлияния (православной) Руси и западноевропейской части христианского (католического) мира. М.Л. Лавренченко показала и то, что клише официальных княжеских речей Киевской летописи (Изяслав Мстиславич и черниговские князья в 1146–1149 гг., Изяслав Мстиславич и Геза II) повлияли и на организацию этикетных речей 1170-х – 1190-х гг. (с. 105–112).

После подробной текстологии и установления факта строгой этикетности устного межкняжеского общения, зафиксированного в Киевской летописи, М.Л. Лавренченко логично обращает внимание на, казалось бы, неэтикетную составляющих речей – их родовую лексику (присутствует, чаще всего, в обращениях), не всегда совпадавшую с реальными родственными отношениями. Этому анализу в областях генеалогии, социального этикета, общелитературного стиля, исторических реалий, источниковедения посвящена Третья глава диссертационного исследования (с. 124–180).

Рассуждая об особенностях употребления родовой лексики – «брат», «отец», «сын», диссертант показывает, как социокультурный, этимологический и собственно источниковый контексты повлияли на распространение этих терминов родства в общении князей. Сравнение использования их в Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской первой летописях позволило обосновать тезис о том, что они являлись реалиями в этикетных формулах устного общения князей. Весьма любопытным представляется раздел о некорректности представления родства русских князей в сагах, а также в труде Яна Длугоша (с. 124–129). М.Л. Лавренченко на большом и протяженном по времени летописном материале провела тонкий анализ практик употребления терминов «брат» (в общении не только родных, но и двоюродных, троюродных братьев), «сын» и «отец» (между племянниками и дядями в связи с их разделением на пары «стрый–братанич, сыновец», «уй–сестрич»), одновременно двойного употребления разных родовых терминов одним князем по отношению к другому князю (с. 129–136).

Параграф о своеобразной асимметрии использования не адекватных друг другу родственных терминов (например, в оппозиции «отец–брат») в зависимости от политической ситуации, баланса сил и личных предпочтений самого князя насыщен доказательным фактическим материалом (прежде всего, отношениями Изяслава Мстиславича и Гезы II) (с. 136–138). Убедительность своих доводов М.Л. Лавренченко усилила сравнительным, по отношению к Киевской летописи, анализом использования родовой лексики в обращениях Галицко-Волынской (а также Лаврентьевской) летописи. Диссертант зафиксировала ранее неуловимую грань перехода в использовании разных терминов одним князем по отношению к конкретному адресату в зависимости от целей князя – воевать ли, договариваться ли, замиряться ли. Тем самым, в историко-источниковедческой работе язык общения в Древней Руси наполняется жизнью той, уже ушедшей эпохи. Эта часть диссертации ещё более конкретна, нежели Вторая глава, за счёт детальных разборов прецедентов употребления тех или иных терминов родства в устной речи князей. Это, в свою очередь, обогащает и собственно политическую историю Древней Руси. Материал этой главы выходит за текстовые и хронологические рамки Киевской летописи, захватывая подавляющее большинство княжеских диалогов XII–первой трети XIII в. Расширение эмпирической основы исследования оправданно тем, что оно подтверждает ограниченную выборку Киевской летописи (с. 160–168).

Творческой удачей М.Л. Лавренченко является помещение в реконструированное ею поле родовой лексики княжеских речей использование родственных терминов духовных текстов, последующего наращивания их семантики и выделения в них особых слов, типа «господин», «чадо» (с. 168–175); родственных терминов источников разного происхождения и текстов более позднего времени (с. 168–180). Этими рассуждениями, завершающими главу III, диссертант намечает проблемный горизонт дальнейших исследований.

В Заключении диссертации в обобщённом виде представлены методико-историографическо-источниковедческие выводы самостоятельного, основанного на солидной источниковой базе исследования.

Основные положения диссертации прошли успешную апробацию в 21 публикации, 4 из которых входят в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК РФ, а также в рамках участия диссертанта в целом ряде международных научных конференциях, «круглых столах» (от себя отмечу активное и постоянное участие диссертанта в заседаниях семинара «Способы и функции репрезентации родства в средневековых текстах» (на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского)).

Вместе с тем к тексту исследования имеются следующие замечания:

1. Несмотря на то, что структура диссертации адекватна решению поставленных задач и достижению намеченной цели, репрезентации исследовательского материала, первый раздел Первой главы (с. 20–21) выглядит лишним. Информация об истории публикаций Киевской летописи далее в работе нигде не привлекается, не используется. Уместнее его было бы ввести в следующий параграф, посвящённый текстологии Киевской летописи, особенно, в связи с именами А.А. Шахматова и И.С. Юрьевой.

2. Нижеуказанная проблема является традиционной для квалификационных диссертационных работ по методам исторического исследования, источниковедения и историографии. Что считать источниками по историографии? В данном случае вопрос не является праздным. Первая глава диссертации посвящена истории источниковедения в связи с конкретным сюжетом, и исследовательские тексты можно отнести к источникам. Автор диссертации же предпочитает традиционное деление на источники и исследовательскую литературу. Не покушаясь на это право, хотелось бы услышать мнение М.Л. Лавренченко по данному вопросу.

3. Теоретико-методологическая база исследования выражена достаточно обще и сводится к принципам, сформулированным в работах А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, А.Н. Насонова. Между тем, в Заключение (с. 181) автор диссертации рассуждает о том, как подтвердить достоверность сведений Киевской летописи за счёт вычленения устойчивых элементов и их анализа. Автор, желает она этого или нет, претендует на предложение если не

метода, то методики летописеведческого исследования. Она могла бы быть отражена в разделе Введения о методах исследования и могла бы быть представлена в Положениях, вынесенных на защиту.

4. Пункт «Положений, выносимых на защиту» (с. 14) фиксирует открытость проблемы составления Киевской летописи и констатирует необходимость нового обращения к её изучению. Первое могло бы определить научную актуальность исследования, а второе – более уместно для обоснования одной из исследовательских задач.

5. Предложение М.Л. Лавренченко одной из методик летописеведческого анализа требует и формулировки более чёткого отношения к трудам предшественников и, наверное, проверки тех или иных выводов. Так, диссертант считает убедительным довод А.Н. Насонова об использовании составителем Московского летописного свода 1479 г. более раннего, по сравнению с Ипатьевской летописью, киевского источника. Довод заключается в том, что в Ипатьевской летописи в нескольких местах подчёркивается постройка Андреем Боголюбским 5-главого собора, а вот в Московском летописном своде говорить об изначально 1-главом соборе (4 главы пристроил Всеволод Большое Гнездо после пожара). Между тем, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях нигде говорится о постройке 1-главого Успенского собора Андреем Боголюбским и достройке его Всеволодом Большое Гнездо. Само же известие о достройке куполов собора Всеволодом Юрьевичем читается ещё в домонгольской части статьи «А се князи Русьстии» среди других известий по истории Северо-Восточной Руси XII – первой трети XIII в. Они представляют собой альтернативу многим сведениям Лаврентьевской и Ипатьевской летописи по истории Владимирского княжества и широко встречаются в летописях XV–XVI вв., в том числе и в Московском летописном своде (основание Владимира Владимиром Мономахом, особая история перехода Андрея Боголюбского с иконой Богородицы из Вышгорода во Залесскую землю, рассказ о мести Михалка и мести Всеволода Юрьевичей за убийство Андрея Боголюбского, приход Всеволода Юрьевича во Владимир прямо из Селуня, чешское происхождение его жены и

пр.). Комплекс сведений домонгольской части статьи «А се князи Русьстии» носит явно проростовский характер. В аргументации А.Н. Насонова статья «А се князи Русьстии» не учтена, а ведь она и могла быть источником сведения Московского летописного свода (и целого ряда других летописей) о достраивании Всеволодом Юрьевичем куполов Успенского собора, а не гипотетический киевский источник. И нарочитое подчёркивание автора Киевской летописи изначального 5-главия Успенского собора может быть и ответом на внедрение альтернативной истории главного храма Владимира.

6. В разделе 3.4, посвящённом терминам родства в текстах духовного происхождения, диссертант разбирает вопрос распространения термина «господин» в XII в. (с. 172–175) и приходит к выводу, что он получил широкое хождение первоначально в церковно-монастырской среде (с. 174). В связи с этим надо указать на то, что по сравнению с единственной статьёй Краткой редакции Русской Правды, где фигурирует «господин», число статей Пространной редакции Русской Правды с этим словом увеличивается в разы (преимущественно за счёт Устава Владимира Мономаха). Это явление не было учтено диссертантом. Прошу её высказать своё мнение по поводу данного факта.

7. При том, что диссертация М.Л. Лавренченко самодостаточна в своей нацеленности на решение поставленных задач, рассмотрение её в более широких историографическом и историческом полях позволило бы эффективней высветить её достоинства. Например, при написании диссертантом истории летописеведения под углом зрения источникововедения Киевской летописи и изучения «княжеских речей» можно было бы соотнести её с фундаментальным трудом В.Г. Вовиной-Лебедевой о школах исследования русских летописей (СПб., 2011). В таком случае более выпукло бы проступила общность конкретных положений различных авторов, расходящихся по разным традициям летописеведения.

8. Используя работы Д.С. Лихачева об культурно-историческом значении русских летописей и посольском обычае, диссертант оставила в стороне его монографию «Человек в литературе Древней Руси» (первое издание 1958 г.). В главе о стиле монументального историзма Д.С. Лихачев рассматривает

особенности представления князей в летописании XI–XIII вв., обосновывает роль этикета в формировании их образа. Эти наблюдения могли бы обогатить рассуждения диссертанта о том, как культура влияла на живую речь князей, как они могли в своих диалогах соответствовать задаваемым ею моделям поведения.

9. Диссертация М.Л. Лавренченко по своей направленности и по принадлежности к научной традиции через научного руководителя Т.В. Гимона восходит к школе В.Т. Пашуто. И в диссертации можно было бы учесть его посмертно опубликованную работу (1984 г.) «Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм)». В ней историк наметил программу исследования средневековой дипломатии (внешней политики). Среди них было и возвращение к не рассмотренному в монографии о внешней политике Древней Руси (1968 г.) аспекту межкняжеских отношений раздробленной Руси. Соотнесение диссертации М.Л. Лавренченко с этим текстом В.Т. Пашуто позволило бы ей представить свой труд как исследование дипломатических практик эпохи раздробленности в домонгольское время, родственной терминологии в дипломатии (в дискуссии с В.Т. Пашуто), внешней политики Руси XII – первой трети XIII в.

Впрочем, замечания не влияют на высокую положительную оценку диссертации М.Л. Лавренченко. Материалы исследования могут быть использованы при написании монографий по источниковедению, историографии и методике летописеведения, истории дипломатических практик Древней Руси. Совмещение источниковедческих штудий М.Л. Лавренченко с политической историей Древнерусского государства XII–первой трети XIII в. придаст ей глубину, откроет новые аспекты. М.Л. Лавренченко подготовила квалифицированное комплексное исследование, выполненное на стыке историографии, источниковедения и разработке методик научного поиска с выходом в поле собственно исторической реконструкции.

Научная актуальность и новизна исследования, практическая значимость полученных результатов, научная обоснованность сделанных выводов по главам и в Заключении позволяют с полным основанием утверждать, что

диссертационная работа ««Речи» Киевской летописи XII века (источниковедческое исследование)» отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на ученую степень кандидата исторических наук; автореферат соответствует содержанию диссертации. Диссертационное исследование М.Л. Лавренченко является самостоятельной, единолично сделанной работой. Все части диссертации взаимосвязаны между собой достижением единой цели и решением задач исследования.

Диссертация ««Речи» Киевской летописи XII века (источниковедческое исследование)» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует требованиям Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 28 августа 2017 г., Постановление Правительства РФ № 1024), а её автор *Лавренченко Мария Леонидовна* заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

17.11.2021

Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры культуры и
психологии предпринимательства
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

Кузнецов Андрей
Александрович

Адрес: 603140, г. Нижний Новгород,
Проспект Ленина, д. 27
Тел.: +7 9601745693
e-mail: nalbuzz@mail.ru

Ученый секретарь ННГУ
Л.Ю. Черноморская
Тел. 462-30-21